

В. П. Пашков

Проблемы воспитательного процесса в дореволюционных духовных семинариях по «Отзывам епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»

УДК 271.2-75-9
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_296
EDN WTVVXU

Аннотация: В данной статье на основании документа «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» осуществлен аналитический обзор основных недостатков воспитательного процесса в духовных семинариях рубежа XIX–XX столетий. Проведенный экскурс показал, что существовавшая на тот момент система воспитания нуждалась в коренных переменах ввиду своего несоответствия высокой цели формирования личностей и подготовки к служению будущих пастырей. Ключевые проблемы воспитательной системы среднего духовного образования, требовавшие внесения конструктивных изменений, к началу XX в. сводились к следующему: сословная замкнутость духовенства, влекущая за собой двойственность целей семинарского образования; высокая загруженность малочисленного состава лиц администрации послушаниями учебного и административно-хозяйственного характера; отсутствие живой связи между педагогами и студентами; отсутствие регламентации в уставе духовных школ частной жизни педагогов. Результаты исследования актуальны и в настоящее время, так как духовные семинарии — наиболее многочисленный и «многолюдный» тип духовных учебных заведений Русской Православной Церкви, и процессы реформирования в них носят регулярный характер. Предреволюционный опыт в данном отношении может послужить аналоговой базой для принятия некоторых решений, а его анализ расширяет предметное поле церковно-исторической науки.

Ключевые слова: духовная школа, духовная семинария, духовное образование, проблемы воспитательного процесса, суждения и отзывы преосвященных, частая смена лиц администрации, палочная дисциплина, епископ Волынский Антоний (Храповицкий), епископ Холмский Евлогий (Георгиевский), епископ Архангельский Иоанникий (Казанский).

Об авторе: **Владислав Петрович Пашков**

Магистр богословия, аспирант кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: vladislav.pashkov.93@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7820-807X>

Для цитирования: Пашков В. П. Проблемы воспитательного процесса в дореволюционных духовных семинариях по «Отзывам епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 296–304.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2022

Vladislav P. Pashkov

**Problems of the Educational Process
in Pre-Revolutionary Theological Seminaries
as Reflected in the “Responses of Diocesan Bishops
Regarding Church Reform”**

UDK 271.2-75-9

DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_296

EDN WTVVXU

Abstract: In this article, based on the document “Responses of Diocesan Bishops on the Issue of Church Reform,” an analytical review of the main shortcomings of the educational process in theological seminaries at the turn of the 19th–20th centuries is carried out. The excursus shows that the system of education that existed at that time needed fundamental changes due to its inconsistency with the high goal of shaping personalities and preparing future shepherds for the ministry. The key problems of the system of secondary theological education, which required constructive changes, by the beginning of the 20th century were reduced to the following: class isolation of the clergy, entailing the duality of the goals of seminary education; high workload of the small staff of the administration with obediences of an educational and administrative nature; lack of live communication between teachers and students; lack of regulation in the charter of theological schools of the private life of teachers. The results of the study are relevant at the present time, since theological seminaries are the most numerous and “crowded” type of theological educational institutions of the Russian Orthodox Church, and the reform processes in them are of a regular nature. Pre-Revolutionary experience in this respect can serve as an analogy base for making some decisions, and its analysis expands the subject field of church history.

Keywords: theological school, theological seminary, theological education, problems of the educational process, judgments and reviews of bishops, frequent change of persons of the administration, stick discipline, Bishop Anthony (Khrapovitsky) of Volhyn, Bishop Eulogius (Georgiyevsky) of Khelm, Bishop Ioanniki (Kazansky) of Arkhangelsk.

About the author: **Vladislav Petrovich Pashkov**

Corresponding post-graduate student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: vladislav.pashkov.93@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7820-807X>

For citation: Pashkov V. P. Problems of the Educational Process in Pre-Revolutionary Theological Seminaries as Reflected in the “Responses of Diocesan Bishops Regarding Church Reform”. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 3, pp. 296–304.

Введение

В начале XX в. на страницах официальных и публицистических изданий широко обсуждалась необходимость реформирования духовного образования. Дискуссия была острой и разносторонней. Поэтому «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» являются весьма информативным источником сведений по рассматриваемой нами теме — проблемам воспитательного процесса в духовных семинариях рубежа XIX–XX столетий. Данный документ представляет собой ответы правящих преосвященных, в которых они высказали свою позицию по особо острым и актуальным вопросам современной им церковной действительности, в том числе и по вопросу духовного образования. В частности, преосвященные в своих отзывах не обошли вниманием проблемы в области постановки воспитательного процесса в духовных семинариях. Каковы были причины проблем в данном процессе и что они из себя представляли на практике? Для ответа на поставленные вопросы автором были произведены анализ и систематизация наиболее информативных и содержательных отзывов епископата по рассматриваемой тематике.

Вопрос постановки воспитательного процесса в духовных школах, по мнению большинства епископов, требовал срочного вмешательства и решительных мер. По замечанию епископа Ташкентского и Туркестанского Паисия (Виноградова), «для будущих пастырей едва ли не важнее образования — воспитание их. Никакое образование не заменит дурного поведения в человеке, а особенно в пастыре Церкви» (Отзывы: Т. 1, 2004, 88). Одной из первых проблем духовных школ, которую, по мнению подавляющего большинства преосвященных, необходимо разрешить в срочном порядке, было соединение в духовной школе двух несовместимых задач: сословной и профессиональной. С одной стороны, эта школа должна была давать образование детям духовенства, с другой — подготовить пастырей Церкви. Вся проблема заключалась в том, что возможность получения образования в духовных семинариях для большинства из детей священников сопрягалась с обязательствами по принятию священнического сана. Стоит сказать, что образование было недорогим в сопоставлении со светским, а учитывая материальную необеспеченность сельского духовенства, выбор становился очевидным. В результате получалось, что часть студентов, пополняющих контингент учащихся духовных школ, делали это не из желания стать пастырем, а от безысходности и сословной замкнутости. Наиболее ярко и полно данная проблема была освещена в отзыве архиепископа Алеутского и Северо-Американского Тихона (Беллавина), который в своих заметках отмечал: «Главный недостаток наших духовных школ тот, что они преследуют две цели, которые сами по себе весьма почтенны, но на практике не всегда мирно уживаются. Духовные школы существуют, во-первых, для того, чтобы давать воспитание детям духовенства, во-вторых, чтобы приготавливать кандидатов на священство. Не все же дети духовенства желают идти в духовное звание, а их насильно к тому принуждают, так как из семинарии другого выхода почти нет... В результате в кадры клира вступают иные, не только не желающие этого, но и сами нежелательные для него» (Отзывы: Т. 1, 2004, 586).

При таком положении вещей было сложно найти соответствующий целям духовной школы воспитательный режим. С одной стороны, учащимся, желающим посвятить себя священническому служению, было необходимо создать среду, пропитанную духом церковности. С другой стороны, для студентов, получающих только лишь общее образование для дальнейшего поступления в светские заведения, воспитательный строй пастырской школы был бы крайне затруднительным. «Что для первых может быть игром благим и добрым, то для последних покажется бременем тяжким и неудобноносимым», — отметил в своем отзыве епископ Курский Питирим (Окнов) (Отзывы: Т. 1, 2004, 856). Решить возникшие противоречия при сохранении практики совмещения профессиональной и сословной целей образования, по мнению многих преосвященных, было невозможно по нескольким причинам. Во-первых, сложно определить, каким должно быть верное соотношение образовательного и воспитательного

аспектов в такой духовной школе. Во-вторых, неясно, каким должен быть воспитательный строй в учебном заведении при сочетании профессиональной и сословной целей в семинарии. В-третьих, сложно сказать, какими педагогическими принципами должны руководствоваться администрация, инспекция и преподавательский состав духовных семинарий в вопросах воспитания. Учитывая данные противоречия, епископат не мог выступить за сохранение прежнего строя семинарий. Таким образом, все вышесказанное можно подытожить словами архим. Никона (Бессонова), ректора Иркутской семинарии и епископа Курского Питирима (Окнова). «Из этой двойственной цели семинарского образования истекает и ненормальная постановка обучения и воспитания в современных семинариях» (Отзывы: Т. 2, 2004, 139). «Очевидно, что достигнуть одновременно двух целей так же невозможно, как невозможно, по Евангельскому слову, работать двум господам» (Отзывы: Т. 2, 2004, 856).

Не менее серьезной проблемой воспитательного строя духовных семинарий была практика частой смены лиц высшей администрации, в особенности ректоров. Со времени публикации трактата под названием «Объявление, когда и почему возникло монашество, каков был прежний монашеский устав и как должно улучшить теперешний» в России начинает формироваться институт так называемого ученого монашества, который становится основным источником кадров для пополнения епископата (См.: [Смолич, 1996]). По замечанию церковного историка И. К. Смолича, «для того, чтобы стать епископом, не нужны были какие-то особые достоинства или выдающиеся качества, достаточно было средних способностей и стажа педагогической деятельности, которые через несколько лет обеспечивали кафедру» [Смолич, 1996, 650].

Данная практика получает свое полное развитие при обер-прокурорах Н. А. Протасове, К. П. Победоносцеве и В. К. Саблере. По меткому замечанию церковного публициста начала XX столетия С. Любимова, церковное начальство того времени полагало, что «в черном клобуке заключается многолетний педагогический опыт, залог и гарантия нормального ведения учебного дела» [Духовная школа, 1906, 131]. Если брать во внимание способ достижения епископского сана потенциальными кандидатами, то вполне естественно будет заключить, что к духовному образованию данная практика не могла быть применима. Поэтому на рубеже XIX–XX столетий в большинстве случаев обстоятельство нахождения монашествующего во главе семинарии объяснялось современниками следующим образом: «Место инспектора или ректора, как правило, является для ученых иноков лишь одой из ступеней в их церковной карьере, потому они чувствуют себя не столько духовными вождями вверенных им школ, сколько „случайными посетителями“» [Иларион Алфеев, 1999, 92]. Справедливости ради стоит отметить, что в данной череде правил были и исключения, но, к сожалению, у таковых лиц было недостаточно времени для решения копившихся годами проблем.

Многие преосвященные прекрасно понимали, что главным проблемным аспектом практики частой смены лиц администрации духовной школы являлась не малочисленность соответствующих квалифицированных кадров, а в корне неверный способ подготовки ученых монахов к епископскому служению. В то же время стоит заметить, что в данном вопросе в среде преосвященных не наблюдалось единомыслия. Одни иерархи¹ считали присутствие монашествующих во главе духовных школ единственно верным положением дел. Другие преосвященные² полагали, что при выборе на руководящую должность в семинарии в первую очередь стоит обращать внимание на личностные качества кандидата, а не на его принадлежность к белому или черному духовенству. Таким образом, в полемике по интересующему нас вопросу мнения разделились на две группы: сторонников однозначной и компромиссной позиций. Главным выразителем идей первой группы преосвященных можно назвать епископа

¹ Епископ Волынский Антоний (Храповицкий).

² Митрополит Московский Владимир (Богоявленский); архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин); епископ Холмский Евлогий (Георгиевский); епископ Архангельский Иоанникий (Казанский).

Волынского Антония (Храповицкого). Среди представителей компромиссной позиции сложно выявить какого-либо иерарха, чьи суждения выражали бы мнение большинства. Поэтому мы будем приводить здесь наиболее содержательные отзывы преосвященных, мнения которых соответствуют компромиссному направлению в решении вышеозначенного вопроса.

Аргументацию своих доводов еп. Антоний (Храповицкий) начинает с указания списка семинарий³, где произошли наиболее радикальные протестные акции духовного студенчества на рубеже XIX–XX в. По замечанию иерарха, начальствующие должности в данных духовных школах в течение многих лет занимали представители белого духовенства. Примечательно, что, по мнению еп. Антония, это были «маститые (а иногда весьма достойные) протоиереи-ректора и инспектора-миряне», которым, несмотря на это, не удалось восстановить в семинариях должного порядка (Отзывы: *Т. 1*, 2004, 736). В данном случае необходимо заметить, что вторая половина XIX и особенно начало XX столетий — время, которое было ознаменовано повсеместным распространением идей либерального и социалистического толка среди юношества [Ушаков, Образцова, 1999, 10]. К сожалению, не обошла стороной данная пропаганда и студентов духовных учебных заведений. Помимо революционной обстановки в стране на учащиеся семинарий влиял целый комплекс факторов, который по большей части был следствием государственной, а не церковной политики. Поэтому в некотором смысле лица высшей администрации оказывались заложниками сложившихся обстоятельств. Параллельно нельзя не отметить, что в это же время со стороны ректоров и инспекторов наблюдались различные злоупотребления по отношению к студентам. Таким образом, предшествующие рассуждения можно подытожить мнением митрополита Московского Владимира (Богоявленского), который заметил, что «не везде и не всегда происхождение беспорядков можно объяснить отрицательными только качествами административных лиц. Нормальная жизнь заведений сменялась беспорядками часто и там, где начальство — не новички в педагогическом деле, а всю жизнь отдали воспитанию юношества и среди него приобрели достаточный авторитет и уважение» (Отзывы: *Т. 2*, 2004, 397). При этом, если к вышесказанному присовокупить сложившуюся практику⁴ подготовки молодых ученых монахов к архиерейству, то означенный аргумент преосвящ. Антония можно считать достаточно противоречивым.

Следующее преимущество монашествующего духовенства над белым в деле воспитания, по мнению еп. Антония, заключается в том, что первые состоят в «близком духовно-руководственном отношении к ученикам. Педагог-монах, не имеющий своих детей, любит чужих» (Отзывы: *Т. 1*, 2004, 737). Данное суждение представляется нам не вполне обоснованным по нескольким причинам. Во-первых, в синодальное время высокая административная должность в духовной школе для юного монаха чаще всего была одним из этапов архиерейского становления, поэтому в большинстве случаев главную свою задачу он полагал в заботе о предупреждении грубых нарушений устава со стороны учащихся, остальные же проблемы учебно-воспитательного процесса оставались на совести нижестоящих лиц. Во-вторых, представляется достаточно затруднительным выявление строгой корреляции между принадлежностью к черному духовенству и эффективностью мер в деле должной постановки воспитательного процесса в семинариях. В истории русского духовного просвещения можно найти примеры монашествующих педагогов как достойных подражания, так и не соответствующих высоте своего положения. Поэтому более обоснованным видится нам мнение представителя компромиссной позиции епископа Архангельского Иоанникия (Казанского), который считал, что более целесообразным для духовной школы будет назначение «человека с установившимся педагогическим тактом и долголетним педагогическим

³ Протестные акции произошли в Калужской, Тобольской, Вятской, Рязанской, Полтавской, Ярославской, Вологодской, Пермской, Смоленской, Таврической, Одесской духовных семинариях.

⁴ Имеется в виду практика постепенного возведения многих ученых монахов на различные административные должности в семинариях для подготовки к епископскому служению.

опытом, и человека, преданного этому делу, в нем самом, а не в чем-либо постороннем, видящего цель и назначение свое» (Отзывы: Т. 1, 2004, 435).

Еще одно достоинство нахождения монашествующих во главе духовной школы, по мнению владыки Антония, состоит в «усвоении любви к церковной службе и понимании ее. Осмысленное и благоговейное священнослужение вы встретите только в тех епархиях, где ректора и инспектора были монахи» (Отзывы: Т. 1, 2004, 737). Действительно, вопрос богослужебной жизни студентов духовной семинарии нашел широкий отклик в отзывах преосвященных. Однако мнения епископата разошлись в том, насколько интенсивно учащимся нужно участвовать в богослужениях. Одни иерархи⁵ выступали за ежедневное посещение богослужений, тогда как другие епископы⁶ — за сохранение практики посещения студентами общеобязательных для каждого христианина служб. В итоге возобладала точка зрения второй группы епископата. При этом стоит заметить, что в основном за более интенсивное участие студентов в литургической жизни действительно выступали монашествующие. В этой связи утверждение еп. Антония о преимуществе монашеского духовенства над белым в деле постановки богослужебной практики в духовных школах не лишено оснований.

Еще одной из проблем анализируемого процесса функционирования духовных школ являлась малочисленность воспитательских кадров семинарии и их загруженность послушаниями учебно-административного и хозяйственного характера. Многие дореволюционные духовные школы Российской империи имели в своих стенах большое количество воспитанников. Статистика того времени показывает, что во многих семинариях обучалось от 300 до 600 студентов [Павленко, 2009, 36]. Факт плотной укомплектованности духовных школ был прямым следствием синодальной системы сословной замкнутости духовенства. Число же воспитательских кадров, которые ежедневно взаимодействовали с учащимися, в большинстве случаев составляло не более 5–7 человек. В результате получалось, что в среднем на одного воспитателя приходилось минимум 60 воспитанников. Если взять во внимание даже только уставной список обязанностей члена инспекции духовной семинарии, то станет ясно, что данная деятельность требовала затраты большого количества сил и времени. Митрополит Владимир (Богоявленский) в своем отзыве предоставил следующий перечень обязанностей члена воспитательной инспекции: «Ему по классам надо проверить учеников — все ли явились они на уроки; ему необходимо заглянуть то в один, то в другой класс, чтобы остановить поющих и шумящих перед приходом наставников, и во время уроков ему нередко приходится заглянуть в потаенные уголки, где иногда позволяют себе воспитанники безмятежно проводить время в приятных разговорах, самовольно уклоняясь от того или другого предмета; к нему часто обращаются сами воспитанники за разными справками и проч. и проч.» (Отзывы: Т. 2, 2004, 404). А если к уставному перечню обязанностей воспитателя добавить задачу по духовно-нравственному влиянию на подопечных, то выяснится, что на практике выполнение всего вышеперечисленного является делом крайне затруднительным и сложным. По замечанию высокопреосвящ. Владимира, заслуга члена воспитательной инспекции в данных обстоятельствах уже будет заключаться в том, «если он при всех случаях сохранит спокойствие и равновесие духа в отношениях к воспитанникам, в состоянии авторитетно беседовать с ними для поддержания порядка по разным злободневным вопросам» (Отзывы: Т. 2, 2004, 397).

Подобное положение дел до некоторой степени оправдывает упущения администрации духовных школ в области воспитательного процесса, поскольку высокая укомплектованность семинарий при малочисленности лиц воспитательного состава не давала последним физической возможности контроля за студентами. Это, в свою очередь, приводило к следующему. Практически перед каждым членом

⁵ Архиепископ Харьковский и Ахтырский Арсений (Брянцев), епископ Волынский Антоний (Храповицкий), епископ Екатеринбургский и Ирбитский Владимир (Соколовский-Автономов).

⁶ Архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин), епископ Архангельский Иоанникий (Казанский).

воспитательной инспекции в тот или иной момент его деятельности в духовной семинарии возникал вопрос о формах воспитания и взаимодействия с учащимися. Принципиально вариантов было два. Либо преподаватели, воспитывающие своих учеников, должны быть людьми очень искренними, очень открытыми, очень авторитетными, и они должны добиться того, чтобы им поверили их ученики. Либо то, что гораздо проще, — создать систему оповещения. В большинстве случаев, так или иначе, педагоги делали выбор в пользу второго варианта. Результатом такой педагогики, как говорится в одном из отзывов, стала следующая картина: «Неудивительно, если многие из питомцев духовной школы не выдерживают, наконец, таких мучительных экспериментов над личностью и выходят из школы с разбитым сердцем, без веры в Бога... А иные, пройдя этот иску́с, становятся настолько забитыми, обезличенными, искалеченными, что в них замирают все чувства, кроме безотчетной робости пред окружающими», — отмечал в своей докладной записке преподаватель Вятской духовной семинарии А. Красовский (Отзывы: Т. 2, 2004, 116). Данный метод воспитания, к сожалению, был гораздо более распространенным в стенах дореволюционных духовных школ, нежели вариант истинного духовного авторитета.

Все это в совокупности приводило к тому, что весь воспитательный процесс в духовных семинариях сводился к полицейскому надзору за учащимися. Епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий (Беляев) в своем отзыве писал об этом следующим образом: «Строго говоря, у нас в духовных школах воспитания нет, а при существующем порядке и условиях жизни школы — и быть не может. Есть только внешний надзор. Никакой возможности не представляется при таком числе учащихся войти с каждым учеником в непосредственные чисто личные духовно-нравственные отношения и следить за его духовным миром. Дай Бог через год хотя узнать фамилии и лица учеников и как-нибудь поддерживать внешний порядок и дисциплину» (Отзывы: Т. 2, 2004, 452).

Вышеописанное ярко свидетельствует еще об одной проблеме воспитательного строя дореволюционных духовных семинарий, которая заключалась в отсутствии живой связи между педагогами и студентами. Выше мы в некоторой мере проанализировали предпосылки и причины, способствовавшие складыванию формальных взаимоотношений между учащими и учащимися. Целесообразно было бы обратиться и к негативным последствиям, которые порождало неверное построение взаимоотношений. По замечанию историка духовного образования Б. В. Титлинова, «подавленные суровым обращением и строгостью домашних кар, ученики были забиты и угрюмы; они смотрели на воспитателей как на врагов и старались по возможности не попадаться им на глаза» [Титлинов, 1909, 173].

Существенным негативным последствием такого положения дел была духовно-нравственная беспризорность воспитанников духовных семинарий. С одной стороны, студенты дореволюционных духовных школ пребывали под постоянным контролем своих воспитателей. Обязательное посещение утреннего и вечернего правил, богослужений, занятий, приема пищи, самоподготовки и всех остальных «пунктов», предусмотренных уставным распорядком дня, подлежало строгой фиксации в соответствующих журналах воспитательной инспекции. К этому можно также добавить ограничение свободы передвижения и отсутствие возможности использовать свободное от учебы время по своему усмотрению, запрещение посещать общественные учреждения: публичные библиотеки, театры, концерты. С другой же стороны, внутренний мир воспитанника, его склонности, стремления и интересы оставались недоступными для администрации духовной школы. В результате возникла парадоксальная ситуация: студент одновременно находился под строгим контролем семинарского начальства и в то же время был предоставлен самому себе в области духовной жизни. По мнению большинства архиереев, система воспитательного процесса духовных школ по своей сути была противоречивой, поскольку, с одной стороны, была призвана сформировать высокие волевые качества у студентов, а с другой стороны, вследствие тотального контроля за учащимися подавляла любые зачатки

самостоятельности и индивидуальности. Главной причиной вышеозначенного противоречия являлась педагогическая модель, основанная на страхе и репрессиях. В этом отношении можно согласиться с мнением профессора Б. В. Титлинова по поводу постановки воспитательной модели семинарий, которая, по его мнению, «действовала только на внешность, действовала страхом, и была бессильна не только исправить порочных, но даже и просто предупредить проступки» [Титлинов, 1909, 173].

Прекрасной иллюстрацией к вышесказанному является следующий фрагмент из мемуаров митр. Евлогия (Георгиевского): «Семинария⁷ была огромная (500 человек семинаристов). Дух в ней был „бурсацкий“ и в то же время крайне либеральный. Дисциплину начальство поддерживало строжайшую, но это не мешало распущенности семинарских нравов и распространению в среде учащихся революционных идей» [Евлогий Георгиевский, 1996, 48]. Данное воспоминание с определенной ясностью свидетельствует о том, что дисциплина, основанная только лишь на строгой муштре и дрессуре, не способна пресечь нравственной деградации душ учащихся, потому что по своей сути направлена только на внешнюю сторону жизни студентов, которая при известных усилиях со стороны последних могла без особого ущерба для их свободы мимикрировать как под требования устава, так и под протестные настроения. Исходя из вышесказанного можно заключить, что строгая дисциплина не является показателем и гарантом должного правопорядка в духовной школе. Более того, можно предположить, что педагогика, основанная только лишь на одной внешней муштре, свидетельствует об отсутствии достаточного количества педагогических компетенций у лиц, ее насаждающих.

Заключение

Выше нами были рассмотрены и проанализированы основные проблемы постановки воспитательного процесса в дореволюционных духовных семинариях через призму отзывов русского епископата начала XX столетия. Прделанный экскурс показал, что существовавшая на тот момент система воспитания нуждалась в коренных переменах ввиду своего несоответствия высокой цели формирования личностей и подготовки будущих пастырей к служению. Подводя итоги проделанному исследованию, всю совокупность суждений преосвященных по вышеозначенному вопросу можно представить следующим образом:

1. Одним из главных отрицательных последствий сословной замкнутости духовенства для воспитательного строя духовных школ являлась двойственность целей семинарского образования. Данная практика порождала множество противоречий в области постановки учебно-воспитательного процесса, ввиду того что в ней пытались совместить цели, которые невозможно было согласовать между собой в рамках одного учебного заведения.

2. Частая смена лиц администрации имела следствием отсутствие последовательной и скоординированной педагогической программы при осуществлении воспитательного процесса.

3. Главным проблемным аспектом практики частой смены лиц администрации духовной школы являлась не малочисленность соответствующих квалифицированных кадров, а в корне неверный способ подготовки некоторых ученых монахов к епископскому служению.

4. Высокая загруженность малочисленного состава лиц администрации послушаниями учебного и административно-хозяйственного характера порождала полицейско-карательную систему воспитания.

5. Логичным следствием палочной дисциплины в области взаимоотношений между воспитателями и студентами являлись формализм, лицемерие и духовно-нравственная независимость последних по отношению к первым.

⁷ Речь идет о Владимирской духовной семинарии в 1895 г.

В качестве резюме можно привести слова одного из выдающихся русских философов — Ивана Александровича Ильина, который сказал: «Образование без воспитания есть дело ложное и опасное. Оно создает чаще всего людей полуобразованных, самомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напористых и беззастенчивых карьеристов, оно вооружает противодуховные силы, оно развязывает и поощряет в человеке „волка“» [Ильин, 1993, 257].

Источники и литература

Источники

1. Отзывы: *Т. 1* (2004) — Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. Т. 1. 1060 с.
2. Отзывы: *Т. 2* (2004) — Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. Т. 2. 1043 с.

Литература

3. Духовная школа (1906) — Духовная школа: Сб. статей. М., 1906. 348 с.
4. Евлогий Георгиевский (1996) — *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1996. 620 с.
5. Иларион Алфеев (1999) — *Иларион (Алфеев), иером.* Православное богословие на рубеже столетий. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. 432 с.
6. Ильин (1993) — *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // *Ильин И. А.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. 400 с.
7. Павленко (2009) — *Павленко Т. А.* Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 414 с.
8. Смолич (1996) — *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 800 с.
9. Титлинов (1909) — *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. II. Вильна, М.: Русский почин, 1909.
10. Ушаков, Образцова (1999) — *Ушаков В. А., Образцова О. А.* Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX–XX вв.